

Содержание

Книга первая. СМЕРТЬ БАРОНЕТА.....	7
Книга вторая. РОДНЯ.....	137
Книга третья. ПОМОЩЬ В РАССЛЕДОВАНИИ.....	257
Книга четвертая. УЛОВКИ И ЖЕЛАНИЯ.....	347
Книга пятая. РЕЗУС ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ.....	462
Книга шестая. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	548
Книга седьмая. ПОСЛЕДСТВИЯ КАТАСТРОФЫ.....	660

*Моим дочерям Клэр и Джейн,
а также памяти их отца
Коннора Бентри Уайта
посвящается*

От автора

Вынуждена извиниться перед жителями Камден-Хилл-сквер за то, что взяла на себя смелость возвести на этой площади дом работы сэра Джона Соуна, нарушив тем самым симметрию ее привычного облика, а также у Лондонской епархии за то, что руками сэра Артура Бломфилда построила — вне церковных нужд — базилику с колокольней на берегу канала Гранд-Юнион¹. Остальные места, описанные в книге, — легко узнаваемые лондонские реалии. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку абсолютно все события и персонажи романа, живые и покойные, вымышлены.

Благодарю директора и персонал судебно-медицинской лаборатории столичной полиции² за великодушные, с каким они помогали мне разбираться в научных подробностях.

---

¹ Самый длинный канал в Великобритании; протяженность — 385 км; соединяет Лондон с Бирмингемом. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Столичная полиция — официальное название полиции Лондона, в ведение которой не входит лишь район Сити, имеющий собственную полицию.

*Кто-то посмотрит — и хоть бы что.
Со мною, к несчастью, — совсем не то.
А кровь и дыханье? Они, поверьте,
Способны внушить пристрастие к смерти.*

Альфред Эдвард Хаусман¹

---

¹ Пер. с англ. Н. Эристави.

Книга первая

СМЕРТЬ БАРОНЕТА

1

Тела были обнаружены в 8.45 утра в среду, 18 сентября, мисс Эмили Уортон, шестидесятипятилетней старой девой из прихода Святого Матфея, что в лондонском районе Паддингтон, и Дарреном Уилксом, десяти лет от роду, ни к какому приходу, насколько ему известно, не принадлежащим и подобными вопросами не интересующимся. Эта несуразная пара покинула квартиру мисс Уортон в Краухерст-Гарденс незадолго до половины девятого, чтобы совершить пешую прогулку протяженностью полмили вдоль канала Гранд-Юнион до церкви Святого Матфея. Там мисс Уортон, как всегда по средам и пятницам, собиралась убрать увядшие цветы из вазы, стоявшей у подножия статуи Девы Марии, соскоблить воск и выбросить огарки свечей из медных подсвечников, стереть пыль со стульев, выставленных в приделе Богоматери всего в два ряда, — такого количества мест вполне хватало для немногочисленных прихожан, обычно посещавших в этот день утреннюю службу, — словом, приготовить все к двадцати минутам десятого, то есть к приходу отца Барнса.

Семью месяцами ранее, вот так же направляясь в церковь, чтобы исполнить эти свои обязанности, она впервые повстречалась с Дарреном. Тот в одино-

честве играл — если можно назвать игрой бессмысленное швыряние пивных банок в воду — на дороге, тянущейся вдоль канала. Мисс Уортон остановилась и поздоровалась с ним. Вероятно, мальчика удивило, что его приветствовал взрослый человек, который не собирался ни делать ему замечание, ни подвергать допросу. Уставившись вначале на даму лишенным всякого выражения взглядом, в следующий миг, сам не зная почему, он вдруг увязался за ней — сначала плелся позади, потом стал описывать вокруг нее круги, как бездомный пес, и, наконец, засеменил рядом. Когда они достигли церкви Святого Матфея, мальчик последовал за ней внутрь так естественно, будто они с самого начала направлялись туда вместе.

Мисс Уортон сразу стало ясно, что он никогда прежде не бывал в церкви, но ни в тот день, ни когда-либо после она не выказала ни малейшего любопытства по поводу того, почему он пошел за ней. Ребенок с удовольствием шнырял повсюду, то вбегая в ризницу, то выбегая из нее и устремляясь в звонницу, пока дама занималась уборкой, критически наблюдал, как она расставляет шесть желтых нарциссов и веточки с листьями в вазе у ног Девы Марии, и с непосредственным детским равнодушием взирал на то, как она часто преклоняет колена, наверняка принимая эти внезапные «приседания» за очередное взрослое чудачество.

Но на следующей неделе она снова встретила его на дороге, и еще неделю спустя — тоже. После их третьего совместного визита в церковь он без приглашения сопровождал ее домой и разделил с ней трапезу, состоявшую из томатного супа и рыбных палочек. Эта трапеза наряду с ритуальными посещениями церкви скрепила странную молчаливую взаимозависимость, которая

возникла между ними. К тому времени мисс Уортон со смешанным чувством благодарности и тревоги уже сознавала, что мальчик стал ей необходим. Во время их визитов к Святому Матфею он загадочным образом вмиг исчезал, как только первые прихожане начинали тонким ручейком стекаться в церковь: вот он здесь — и вот его уже нет. По окончании службы она снова находила его слоняющимся вдоль дороги; он присоединялся к ней так, словно они и не расставались. Мисс Уортон никогда не упоминала его имени в разговорах с отцом Барнсом или с кем бы то ни было из прихожан, как и он, насколько ей было известно, никогда не поминал ее в своем замкнутом детском мире. Она и теперь знала о нем, его родителях, его жизни столь же мало, сколь и при первой встрече.

А встреча эта произошла, как уже было сказано, семью месяцами раньше, в середине февраля, холодным утром, когда живая изгородь, отделяющая прибрежную тропу от соседнего церковного владения, представляла собой спутанные заросли голых колючек; когда ветви ясеней были покрыты черными почками, еще такими тугими, что казалось невероятным, чтобы они когда-нибудь раскрылись и позеленели, а тонкие нагие ивовые плети, свисающие к воде, раскачиваясь, скашивали с ее поверхности невесомые птичьи перышки. Теперь же лето мягко перетекало в осень, и все вокруг становилось спелым и желто-коричневым. На миг закрыв глаза и загребая ногами вороха опавших листьев, мисс Уортон отчетливо ощутила поверх застойного запаха воды и сырой земли легкий пьянящий июньский аромат цветущей бузины. Именно этот летний аромат по утрам переносил ее в шропширские аллеи детства. Она страшилась прихода зимы и, проснувшись тем у-

ром, с тревогой подумала, что уже чувствует ее дыхание в воздухе. Хотя дождя не было целую неделю, дорожку покрывала скользкая грязь, заглушавшая звук шагов. Они шли под кронами зловеще затихших деревьев. Смолкло даже металлическое верещание воробьев. Окаймлявшая канал насыпь справа от них все еще была покрыта буйной летней зеленью; в сочной траве утопали рваные автомобильные покрышки, выброшенные старые матрасы и гниющие лохмотья одежды, отяжелевшие ветви ив роняли длинные узкие листья на водную гладь, которая казалась слишком маслянистой и застойной, чтобы поглотить их.

Было без четверти девять. На подступах к церкви они вошли в низкий тоннель, куда была заключена часть канала. Даррен, которому этот отрезок пути нравился больше всего, издал радостный вопль и бросился вперед, с удовольствием провоцируя своими криками гулкое эхо и вода по кирпичной стене растопыренными, напоминавшими морские звезды ладошками. Мисс Уортон брела за скачущей фигуркой, со страхом ожидая момента, когда она вступит через арку в сырую, пахнущую рекой и пугающую своей замкнутостью темноту и услышит неестественно громкий плеск воды о камни парапета и размеренный звук капель, падающих с низкого потолка. Она ускорила шаг. Несколько минут спустя полумесяц в конце тоннеля расширился и снова вывел их на дневной свет, мальчик вернулся и, дрожа, опять зашагал рядом.

— Даррен, на улице так холодно, — сказала она, — не следовало ли тебе надеть зимнюю куртку?

Он ссутулил узкие плечики и покачал головой. Ее удивляло, как легко он бывал одет и как невосприимчив к холоду. Порой ей казалось, что ему даже нра-

вилось жить в постоянном ознобе. Может быть, он считал немужественным кутаться в промозглое осеннее утро? А ведь ему так шла его зимняя куртка. Мисс Уортон даже испытала облегчение, когда он впервые появился в ней: куртка была ярко-синей в красную полоску, дорогой и явно новой — обнадеживающий знак, свидетельствовавший о том, что мать, которую мисс Уортон никогда не видела и о которой мальчик никогда не говорил, заботится о нем.

Итак, среда была днем дежурства — в этот день мисс Уортон меняла в церкви цветы. Вот и сейчас она несла с собой маленький букет красных роз в оберточной бумаге и еще один — из мелких белых хризантем. Стебли были мокрыми, влага пропитала ее шерстяные перчатки. Цветки оставались пока в бутонах, но один уже начал распускаться и невольно вызвал воспоминание о лете. Одновременно с этим воспоминанием вернулась и старая тревога. Даррен часто приходил на их церковные встречи с подарком — букетом цветов. По его словам, они были от его дяди Фрэнка, державшего киоск в Брикстоне. Но было ли это правдой? А в прошлую пятницу он принес ей к ужину копченую семгу, объяснив, что ее дал ему дядя Джо, у которого кафе на Килбурн-уэй. Но ломтики, такие влажные, такие нежные, были переложены вощеной бумагой, а белый лоток, на котором они лежали, очень уж напоминал те, на которые она безнадежно взирала в магазине «Маркс и Спенсер», — разве что этикетка была оторвана. Усевшись напротив, Даррен наблюдал, как она ела, но когда она попыталась угостить и его, скроил гримасу отвращения, продолжая, однако, смотреть на нее с сосредоточенным, почти сердитым, удовлетворением; так, подумалось ей, мать могла бы смо-

треть на выздоравливающего ребенка, поглотившего свой первый после болезни кусок. Тем не менее она съела рыбу и, продолжая нёбом ощущать ее изысканный вкус, сочла, что было бы вопиющей неблагодарностью учинить ему допрос в такой момент. Конечно, она заметила, что мальчик делал ей подношения все чаще. Если принесет еще что-нибудь, придется с ним поговорить, решила мисс Уортон.

Внезапно Даррен издал громкий клич, бешено помчался вперед и, подпрыгнув, обеими руками ухватился за нависающий над дорогой сук, дрыгая тонкими ногами. Белые кроссовки на толстой подошве казались несообразно тяжелыми для таких костлявых ног. Парнишке были свойственны подобные приступы внезапной активности: он мог убежать вдруг вперед, спрятаться в кустах и выскочить на нее оттуда; одним махом перепрыгивал через широкие лужи; обшаривал траву в поисках пустых бутылок и жестяных банок и с отчаянной силой швырял их в воду. Мисс Уортон притворялась испуганной, когда он выпрыгивал на нее из засады, кричала, чтобы был осторожнее, когда он взбирался на дерево и, раскачиваясь на простертой над каналом ветке, касался воды ногами. Но на самом деле ей нравилось, когда он был веселым, потому что порой он впадал не то чтобы в уныние, а скорее, в какую-то летаргию. Вот и сейчас, наблюдая за тем, как он по-обезьяньи гримасничает, вцепившись руками в сук и неистово раскачиваясь на нем, глядя на обнажившуюся в зазоре между курткой и джинсами мерцающую клетку нежных детских ребер, она ощутила прилив любви, болезненный, как укол в сердце. И вместе с этой болью снова вернулась тревога. Когда он спрыгнул на землю, она спросила:

— Даррен, ты уверен, что твоя мама не возражает против того, чтобы ты помогал мне в церкви Святого Матфея?

— Не, все в порядке. Я ж говорил.

— Ты так часто приходишь ко мне. Мне-то это очень приятно, но ты точно знаешь, что мама ничего не имеет против?

— Слушайте, не парьтесь, я ж вам сказал: все в порядке.

— Но разве не было бы лучше, если бы я съездила к ней — просто познакомиться, чтобы она знала, с кем ты проводишь время?

— Она знает. А потом, ее все равно нету. Поехала навестить моего дядю Рона в Ромфорд.

Так, еще один дядя. Всех и не упомянуть. И новый повод для волнений.

— А кто же за тобой присматривает, Даррен? Кто остался с тобой дома?

— Никто. Я буду ночевать у соседей, пока она не вернется. Да все в порядке.

— А как же сегодняшняя школа?

— Так я ж вам говорил: мне туда не надо. У нас каникулы, ага, каникулы! Я ж говорил!

Его голос начинал звенеть, становясь почти истерическим. Поскольку она молчала, он спрыгнул на землю, подошел к ней и сказал уже спокойнее:

— В Ноттинг-Хилле, ну, в том новом супермаркете, «Андрекс»¹ — по сорок девять монет за двойной рулон. Хотите, приволоку вам пару рулончиков?

Должно быть, он проводит немало времени в супермаркетах, делая покупки по поручению матери, поду-

---

¹ Фирменное название туалетной бумаги.

мала мисс Уортон; возможно, заходит туда по дороге домой из школы. Очень уж ловко он умеет находить, где можно купить повыгоднее, знает и сообщает ей о специальных предложениях, о более дешевых партиях товаров.

— Я постараюсь сама туда съездить, Даррен. Это действительно очень хорошая цена.

— Ага, вот и я говорю, что хорошая. Первый раз вижу, чтоб они стоили меньше пятидесяти.

На протяжении почти всего пути конечная цель оставалась в поле их зрения: парящий в небе позеленевший медный купол колокольни удивительной для здешних мест романской базилики, построенной Артуром Бломфилдом в 1870 году на берегу неторопливой городской водной артерии. Сэр Бломфилд поставил ее здесь с такой уверенностью, словно возводил на венецианском Гранд-канале. Впервые посетив церковь Святого Матфея девятью годами раньше, мисс Уортон решила, что сооружение заслуживает восхищения, поскольку это был теперь ее приходский храм, который воплощал то, что она называла преимуществами католицизма. Мысли о его архитектуре она напрочь выкинула из головы вместе с ностальгией по нормандским аркам, резным запрестольным перегородкам и привычным староанглийским шпилям. Она решила, что со временем привыкнет и к этому, однако была все же слегка удивлена, увидев, что отец Барнс водит по храму группы посетителей — специалистов, интересующихся викторианской архитектурой, которые восторгаются балдахинном, картинами прерафаэлитов, украшающими восемь панелей кафедры, устанавливают треноги, чтобы сфотографировать апсиду, и безо всякого духовного трепета (она-то была уверена, что даже экспертам

следует понижать голос в храме) сравнивают церковь Святого Матфея с собором Торчелло, что неподалеку от Венеции, или с базиликой того же Бломфилда в оксфордском Иерихоне.

Храм возник перед ними, как всегда, с драматической внезапностью. Пройдя через турникет в ограждении канала, они свернули на гравийную дорожку, ведущую к южному крыльцу, тому, от двери которого у мисс Уортон был ключ. Дверь открывалась в проход перед малой ризницей, где она обычно вешала пальто. Оттуда имелся вход на кухню — там она мыла вазы и ставила в них свежие цветы. Подходя к крыльцу, мисс Уортон окинула взглядом небольшие цветники вдоль дорожки, которые садовники из местной паствы пытались культивировать на здешней неблагоприятной почве не столько с успехом, сколько с оптимизмом.

— Взгляни, Даррен, как красиво. Первые георгины. А я не верила, что они расцветут. Нет, не рви! Они так чудесно здесь смотрятся. — Мальчик наклонился и уже было запустил руку в траву, но после ее слов выпрямился и сунул грязный кулак в карман.

— А разве они не пригодятся вам для БДМ?

— Для Богородицы Девы Марии у нас есть розы от твоего дяди!

«Нужно все-таки поговорить с ним, — в очередной раз подумала она. — Не пристало мне дарить Богородице ворованные цветы, если они действительно ворованные. А что, если это не так? Я оскорблю его подозрением, разрушу то, что сложилось между нами. Нет, не могу я его потерять. К тому же я ведь рискую сама заронить мысль о воровстве в его голову». На память пришли полузабытые выражения: «развращение невинного», «искушение грехом». «Нужно будет об этом

подумать, — мысленно сказала она себе. — Но не сейчас, еще не сейчас».

Она нашарила в сумке ключ на деревянном колечке и попыталась вставить его в замочную скважину, но не смогла. Озадаченная, но пока не обеспокоенная, она взялась за дверную ручку — тяжелая дверь на массивных железных петлях открылась, она уже была отперта, и ключ торчал в замке изнутри. В коридоре было тихо и темно, дубовая дверь в малую ризницу, расположенная слева, плотно закрыта. Значит, отец Барнс, видимо, уже там. Но как странно, что он пришел раньше ее. И почему не включил свет в коридоре? Пока она нащупывала затянутой в перчатку рукой выключатель, Даррен вихрем пронесся мимо, направляясь к кованой железной решетке, отделявшей коридор от церковного нефа. Он любил по приходе просунуть через нее свои тонкие руки, дотянуться до ящика для пожертвований и подсвечника и зажечь свечу. Перед входом в церковь мисс Уортон обычно вручала ему десятипенсовик. Вот и сейчас она услышала тихое звяканье и понаблюдала, как он, воткнув свечку в гнездо, тянется к спичечному коробку, вставленному в медный держатель.

И именно тогда, в тот самый момент, она ощутила первый прилив беспокойства. Какое-то дурное предчувствие зародилось в ее подсознании; тревога и это смутное предчувствие, соединившись, породили страх. Едва уловимый запах, чужой, но пугающе знакомый; ощущение чьего-то недавнего присутствия, вероятная причина незапертой входной двери, темнота в коридоре... Внезапно она поняла, что произошло нечто ужасное, и инстинктивно крикнула:

— Даррен!

Он повернулся и, увидев ее лицо, мгновенно очутился рядом.

Мисс Уоррен сначала осторожно потянула, затем рывком распахнула дверь. Ее ослепил яркий свет: длинная флуоресцентная лампа, уродовавшая потолок, была включена, ее сияние поглощало слабый свет, проникавший из коридора. И мисс Уортон увидела самое воплощение ужаса.

Их было двое, и она в первый же миг с полнейшей уверенностью осознала, что они мертвы. Комната была залита кровью. Двое мужчин, словно скот на бойне, лежали с перерезанными горлами в кровавых лужах. Она инстинктивно дернула Даррена и спрятала его за своей спиной, но было поздно: он уже все увидел. Мальчик не закричал, лишь издал отрывистый жалобный щенячий визг, но она почувствовала, как он дрожит, выволокла его в коридор, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ее бил озноб, бешено колотившееся сердце, казалось, провалилось куда-то вниз и, горячее, огромное, больно билось в ребра, сотрясая ее хрупкое тело и грозя разорвать его на куски. Запах, казавшийся вначале едва уловимым и неопределенным, не более чем чужеродной примесью, витавшей в воздухе, выплеснулся в коридор миазмами смерти.

Мисс Уортон стояла, по-прежнему прислонившись спиной к двери, но ни надежная опора резного дуба, ни плотно закрытые глаза не могли стереть из памяти картину ужаса. Мысленным взором она видела неподвижные тела, освещенные ярко, словно на сцене, видела еще более отчетливо, чем в тот первый миг, когда они предстали перед ее расширенными от страха глазами. Одно тело, соскользнув с низкой узкой кровати, лежало справа от двери, незряче уставившись на